

Температура опускалась всё ниже, и люди в основном попрятались по палаткам. Цяо Юаньлинь, который всегда боялся холода, наскоро умылся, забрался в спальный мешок и укутал голову шарфом. Они с Ин Сяоцун были похудее, поэтому легли посередине, а Лян Чэн и Чжэн Яньдун устроились по краям. Четверо ютились вместе, чтобы согреться, и, по выражению Ин Сяоцун, условия здесь были хуже, чем в тюрьме.

Фонарик выключили, вокруг воцарилась крошечная тьма, слышался лишь тихий шорох трущейся ткани.

— Кхм! — подала голос Ин Сяоцун. — Предупреждаю вас двоих: держите себя в руках, даже если будете целоваться, не шумите.

— Я просто поправил пуховик, — холодно отозвался Лян Чэн.

Прошло еще немного времени. Ин Сяоцун шмыгнула носом:

— Кто ест молочные конфеты?

Цяо Юаньлинь прикрыл рот рукой:

— Я, у меня сахар упал.

На какое-то время все затихли. Ин Сяоцун случайно задела чью-то куртку, из кармана которой выскользнул холодный предмет. Она пощупала его в темноте и удивилась:

— Офигеть, что за дедуля тут с нами? Откуда здесь табакерка?

Чжэн Яньдун потянулся к Ин Сяоцун и забрал табакерку. На работе ему не разрешалось курить, но бросить он не мог, поэтому перешел на нюхательный табак.

Так и не сумев уснуть, он вздохнул:

— Давайте я расскажу вам дело об убийстве с помощью надувной куклы.

— Расскажи о чем-нибудь более здоровом, — попросил Лян Чэн.

— Здоровые люди со мной обычно не встречаются, — ответил Чжэн Яньдун. — Юаньлинь, ты спишь? Хочешь послушать?

Цяо Юаньлинь решил подстраховаться:

— Буду слушать, только если там не замешана виагра.

Ин Сяоцун расхохоталась:

— Использовать виагру с надувной куклой? Да такому кастрация показана!

Чжэн Яньдун начал рассказ. Первые три минуты он описывал предысторию, а когда перешел к сути дела, в палатке воцарилась мертвая тишина. Оказалось, что «надувная кукла» была лишь затравкой: на самом деле убийца вставил жертве шланг от насоса и накачал человека воздухом до состояния неузнаваемого шара.

— Жертва была крепкого телосложения, но чем дольше он держался, тем больше воздуха в него накачивали, и тем ужаснее была смерть.

Цяо Юаньлинь почувствовал тяжесть — Лян Чэн притянул его к себе. Юаньлинь спросил:

— А что убийца?

— Убийцей оказался работник автосервиса. Он совершил преступление с помощью обычного автомобильного насоса.

Чжэн Яньдун хотел было добавить подробностей, но вдруг перестал чувствовать дыхание рядом с собой. Он протянул руку и нащупал, что Ин Сяоцун уже с головой залезла в свой спальный мешок.

— Ладно, — усмехнулся он. — От этих разговоров только горло разболелось.

Ин Сяоцун высунула голову:

— Тогда давайте быстрее спать, завтра надо пораньше спуститься с горы.

— Хорошо, — согласился Чжэн Яньдун. — Всем спокойной ночи. Кто еще хоть звук издаст, тому я расскажу про дело о расчлененке, склеенной суперклеем.

Цяо Юаньлинь с трудом повернулся на бок, прижался к груди Лян Чэна и закрыл глаза. Видимо, история была слишком будоражащей, так что уснуть сразу не получалось, и он кончиком носа потерся о кадык Лян Чэна.

Его мягко потрепали по затылку — Лян Чэн тоже не спал.

Цяо Юаньлинь никак не мог выбросить из головы упущенные детали и шепотом спросил:

— А разве из раны от насоса не пойдет кровь? И воздух через нее не будет выходить?

Лян Чэн ответил вопросом на вопрос:

— Ты знаешь, как делают колоноскопию?

Цяо Юаньлинь мгновенно всё понял, и у него невольно сжалось всё внутри. Он снова прижался к груди Лян Чэна и, дождавшись, пока дыхание двоих попутчиков сзади станет глубоким и ровным, тихо добавил:

— Гэгэ, завтра утром можешь не будить меня смотреть на рассвет.

— Почему? — спросил Лян Чэн.

Цяо Юаньлинь ответил:

— Извини, у меня опять разыгралась боязнь высоты.

—... — Лян Чэн крепче обнял его. — А ты, блин, вежливый.

Рассвет на вершине горы оказался холоднее, чем зима в Пинхае. Цяо Юаньлинь повернулся во сне, смахнув укрывавший голову шарф. Едва кожа соприкоснулась с ледяным воздухом, он вздрогнул и проснулся.

— Гэгэ, — позвал он, но рядом никого не было. Он повернулся в другую сторону — тоже никого.

В палатке он остался один, укрытый тремя тяжелыми спальниками. Снаружи было шумно. Он протер лицо влажной салфеткой, надел теплую куртку и выбрался наружу.

Под туманным куполом неба все смотровые площадки были забиты людьми, предвкушающими рассвет. Лян Чэн с рассеянным видом стоял на самом краю толпы и время от времени оглядывался на палатку.

Заметив приближающегося Цяо Юаньлиня, он спросил:

— Проснулся?

Цяо Юаньлинь накинул капюшон, стуча зубами от холода:

— Не верится, что ты бросил меня и пошел смотреть рассвет один.

Лян Чэн застегнул ему молнию до самого верха и сказал:

— Давай начистоту: это ты разбудил меня ударом кулака.

Во всём была виновата жуткая история Чжэн Яньдуна на ночь. Цяо Юаньлиню приснилось, что его похитили, он отчаянно сопротивлялся и, скорее всего, принял обнимавшего его Лян Чэна за бандита.

Он огляделся по сторонам:

— А где Ин-гэ и брат Яньдун?

Лян Чэн, явно не горя желанием отвечать, лишь мотнул подбородком куда-то наискосок вперед.

Проснулись они не так уж рано, поэтому свободных мест на смотровой площадке уже не осталось. Ин Сяоцун, легкая как ласточка, взобралась на раскидистое дерево и теперь сидела верхом на ветке, выбирая ракурс получше.

Чжэн Яньдун не на шутку испугался. Он стоял под деревом, крепко держа её за лодыжку. Вся эта сцена живо напоминала равнодушного гражданина, который уговаривает самоубийцу:

— Это опасно, слезай.

— Мне нужно залезть повыше! — крикнула Ин Сяоцун.

Чжэн Яньдун потянул её вниз:

— Да слезай ты, спустись сначала, ладно?

Ин Сяоцун раздраженно огрызнулась:

— Отпусти меня, не лезь не в свое дело!

Цяо Юаньлинь сделал шаг ближе к Лян Чэну, делая вид, что не знает этих двоих. В этот момент над горизонтом показался край багрового солнца, окрашивая белоснежные облака золотым сиянием, и внимание всех присутствующих переключилось на небо.

Он встал на цыпочки и вытянул шею, но перед глазами была лишь сплошная стена чужих

затылков. От досады ему захотелось подпрыгнуть.

Лян Чэн с трудом сдержал усмешку, расстегнул верхнюю пуговицу на воротнике, присел и повторил фразу из прошлого:

— На плечи сядешь? Умеешь?

Тогда рядом не было столько народу. Цяо Юаньлинь широко развел ноги и уселся верхом на плечи Лян Чэна, слегка наклонившись вперед. Он оставался таким же худощавым, как в юности, но кости определенно стали тяжелее, да и зимняя одежда добавляла веса.

Когда Лян Чэн выпрямился, Цяо Юаньлинь заглянул ему в лицо:

— Я тяжелый?

— Терпимо, — ответил Лян Чэн, придерживая его за бедра, и сразу предупредил: — Только не проси меня прыгать от радости после просмотра.

Цяо Юаньлинь рассмеялся, глядя на алые облака у горизонта. Баскетбольная площадка, вершина горы, бросок в кольцо, рассвет... Он вспоминал прошлое и с надеждой смотрел в будущее.

Солнце медленно поднималось под пристальными взглядами всех присутствующих, освещая платформу Фуюньтай; несчастный студент, переживающий разрыв отношений, обрел исцеление, а супружеская пара, празднующая годовщину, обнималась, и фотограф запечатлел эту самую прекрасную картину этой осени.

Солнце медленно поднималось под прицелом сотен глаз, заливая светом террасу Фуюнь. Студенты, переживающие расставание, находили утешение, празднующие годовщину супруги обнимались, а фотографы запечатлевали самую красивую картину этой осени.

Когда совсем рассвело, они собрали рюкзаки и начали спускаться. Ноги Цяо Юаньлиня так дрожали, что он несколько раз чуть не рухнул перед Лян Чэном на колени, словно поздравляя с Новым годом. Ин Сяоцун всю дорогу шла боком, напоминая пациента после инсульта на реабилитации.

На станции канатной дороги Чжэн Яньдун и Ин Сяоцун первыми сели в кабинку. Цяо Юаньлинь запрыгнул во вторую. Кабинки двигались без остановки, поэтому он поторопился:

— Гэгэ, быстрее садись!

Лян Чэн забрался внутрь и уже через пять секунд пожалел об этом. Эта штука пугала сильнее навесного моста: она раскачивалась, скорость казалась то быстрее, то медленнее, а из-за панорамных стекол невозможно было не замечать высоту.

Заметив, что Лян Чэн закрыл глаза, Цяо Юаньлинь спросил:

— Как думаешь, папа с тетей Хэ уже вернулись домой?

С этими словами он приподнялся с сиденья, отчего кабинка тут же качнулась.

Лян Чэн нахмурился, но внезапно почувствовал теплое дыхание, а губы обожгло нежным поцелуем. Он приоткрыл свои узкие глаза — Цяо Юаньлинь наклонился к нему, его ресницы почти касались кожи Лян Чэна.

Лян Чэн снова закрыл глаза, разжал кулак и ладонью обхватил подбородок Цяо Юаньлиня. Чувство невесомости отступило, уступив место ощущениям, от которых едва не подкосились колени.

Цяо Юаньлинь слегка встряхнул запястьем, и звон колокольчика разнесся по ущелью, словно заклинание, подчиняющее чужую волю. Лян Чэн спросил:

— Ты что, колдуешь надо мной?

— Работает? — властно поинтересовался Цяо Юаньлинь. — Отныне, как только я зазвоню в колокольчик, ты должен обращать внимание только на меня.

Цяо Юаньлинь дразняще провел губами по его тонким губам, явно угрожая. Лян Чэн сдался:

— Слушаюсь, великий шаман Цяо.

Кабинка благополучно приземлилась у подножия горы. Ощущение твердой земли под ногами принесло невероятное облегчение. Вернувшись на виллу, великий шаман Цяо, хоть и проснулся позже всех, от усталости сразу же завалился спать.

Все четверо проспали до темноты. Когда они проснулись, озеро Но уже сияло разноцветными огнями. Уличные рынки тянулись вдоль берега до самого горизонта — это было самое оживленное место в поселке Юньци по вечерам.

Цяо Юаньлинь принял душ, переоделся и прихватил с собой банковскую карту, которую ему дал Цяо Вэньюань. Сначала нужно было угостить всех ужином, а потом прогуляться и купить подарки близким и друзьям.

Они выбрали ресторанчик-барбекю под открытым небом, рядом с которым стоял фургончик с десертами. Цяо Юаньлинь указал на единственный имеющийся в продаже праздничный торт:

— Возьмем этот. А у вас есть свечи-фейерверки, которые раскрываются цветком?

Хозяин ответил, что таких нет, и бесплатно докинул упаковку обычных свечей. Лян Чэн немного занервничал:

— Ты что, тайно празднуешь еще один день рождения?

Цяо Юаньлинь пояснил:

—...Я хочу отпраздновать то, что больше не одинок.

В университете, когда кто-то из соседей по комнате начинал встречаться, вся комната собиралась, чтобы это отпраздновать. За все четыре года только Цяо Юаньлинь ни разу не становился главным героем такого торжества, из-за чего над ним даже подшучивали.

Чжэн Яньдун подлил масла в огонь:

— В самый расцвет молодости неужели за тобой никто больше не бегал?

Лян Чэн многозначительно заметил:

— Возможно, за ним и ухаживали, просто он думал, что это обычная дружеская забота сокурсников.

<http://bllate.org/book/18284/1753096>